Г. А. ОРЛОВА

Орлова Галина Анатольевна
кандидат психологических наук
доцент, Академия психологии и педагогики,
Южный федеральный ун-т
Россия, 344002, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая , 103
Тел.: +7 (863) 230-32-47
доцент, Департамент медиа и коммуникации,
Европейский гуманитарный университет
Литва, LT-01114 Вильнюс, Тауро, 12
Тел.: +370 5 274 0622
старший научный сотрудник,
Лаборатория историко-культурных
исследований ШАГИ РАНХиГС
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: galina.orlova@ehu.lt

СО-АВТОРИЗАЦИЯ, НО НЕ СОАВТОРСТВО: ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТРАНСКРИПТА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ[1]

Аннотация. Автор использует вызов дигитализации социального знания для того, чтобы обнаружить лакуны и неотрефлексированные области в теории и технологии качественного исследования. Основное внимание уделено процедуре согласования с информантом транскрипта интервью в преддверии размещения этих данных в открытом электронном архиве. В статье пересматривается классическое представление о расшифровке интервью как стабильном тексте, находящемся в безраздельной власти исследователя, и проблематизируются техники подготовки транскрипта эпохи цифровой коллаборации. Для описания прав на текст и ответственностей за него, разделяемых и дигитально распределяемых между исследователем и информантом на стадии подготовки электронной публикации, вводится концепт «со-авторизация».

[1] Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы, выполняемой на базе Лаборатории историко-культурных исследований ШАГИ РАНХиГС по темам «Оцифрованная наука: создание гуманитариями открытых исследовательских баз данных» (2014) и «Краудсорсинг в гуманитарных исследованиях: новые технологии и коммуникативные режимы производства знания в цифровую эпоху» (2015).

© Г. А. ОРЛОВА

Со-авторизация рассматривается как прием и эффект цифровых трансформаций научной работы социального исследователя.

Ключевые слова: со-авторизация, цифровые трансформации полевого исследования, транскрипт, открытый доступ, процедуры согласования (member checking), Обнинский проект

Морозным осенним днем 2013 г. на одной из центральных улиц Обнинска, протянувшейся от железнодорожной станции до гостиницы метров на триста, хмуро притормозил пожилой велосипедист. Обнинск — это город первой советской ядерной электростанции, дюжины научно-исследовательских институтов и ученых, из разных дисциплинарных перспектив вот уже более шестидесяти лет изучающих эффекты искусственной радиоактивности. Улица носит имя академика А. И. Лейпунского — одного из отцов города и человека, стоявшего у истоков советской нейтронной физики. Велосипедист — бывший инструктор Обнинского горкома КПСС и один из полутора сотен наших информантов.

Для нас, команды Обнинского проекта[2], шел второй год работы с записью, расшифровкой и хлопотной подготовкой к размещению в открытом доступе интервью с теми, кто создавал город институтов и обеспечивал инновационный рывок ядерной науки в эпоху позднего социализма[3]. Администрация города помогла получить доступ к ведущим сотрудникам институтов. Остальных собеседников нашли по принципу «снежного кома». Режимный характер работы большинства информантов и тесные связи, существующие внутри компактного городского сообщества, вынудили нас отказаться от обнародования аудиозаписей и остановиться на транскриптах. Расшифровки интервью мы предоставляем всем информантам, выразившим такое желание при подписании информированного согласия (т. е. на стадии записи интервью)[4]. Они — а это 121 из 151 человек — участвуют

[2] На полевой стадии исследования, проводимого в Обнинске под руководством А. Л. Зорина, интервью записывали 12 интервьюеров — историки, антропологи, психологи, городские и политические исследователи. В процесс расшифровки в той или иной степени были вовлечены более 60 транскриберов из Вильнюса, Екатеринбурга, Москвы, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга. Подготовкой интервью к авторизации стабильно занимаются шестеро коллег.

[3] На сегодняшний день в проекте собрано 295 интервью разных жанров (порядка 500 часов аудиозаписи). Это глубинные интервью и истории жизни, лейтмотивные интервью и беседы с экспертами, разговоры за рассматриванием домашних архивов и записи прогулок по городу со старожилами. Объем расшифровок уже перевалил за девять тысяч страниц.

[4] В текст информированного согласия, который мы предлагаем подписать информантам, включены четыре аспекта подготовки материалов интервью к размещению в открытом доступе: а) информант (не) хочет анонимизировать свои персональные данные в материалах интервью; б) информант (не) участвует в проверке точности транскрипта; в) информант (не) участвует в редактировании транскрипта; г) информант (не) дает согла-

в привычной для журналистов, но необычной для качественных исследователей процедуре авторизации. Перед тем как подтвердить свое разрешение на размещение расшифровок своих интервью на сайте Obninsk-project.net, мы предлагаем информантам, разделяющим с нами ответственность публикации, проверить точность транскрипта, а при необходимости — исправить фактические ошибки, внести дополнения или удалить нежелательные фрагменты.

Накануне велосипедист выглядел дружелюбным и открытым. Он с энтузиазмом взял на авторизацию транскрипт своего интервью — дословную расшифровку двухчасовой беседы на 43 страницах[5]. На следующий день долго не подходил к телефону, жаловался на плохое самочувствие и не скрывал глубокого разочарования результатами нашей работы. Распечатку он вернул, не сходя с велосипеда. Был раздосадован, огорчен и не расположен к разговору. Сказал, что все изложил письменно, попросил его впредь не беспокоить и уехал. На первой странице транскрипта рукой бывшего партийного функционера было размашисто начертано: «Данная справка в ряде случаев не соответствует действительности данного мною интервью 20.08.2012, содержит заведомо косвенные сведения, которые порочат не только меня, но и других лиц. В связи с этим согласия на использование материала справки в печати, выступлениях и других случаях **не даю** (выделено в документе. — *Г. О.*). Дата. Подпись».

На языке канцелярии наш информант обозначил основные эпистемологические проблемы, возникающие, когда исследователи-качественники, чувствительные к документированию естественно протекающей речи, решаются на открытую публикацию своих материалов. Он указал на жанровую неопределенность записи устной речи и ее непривычность для носителя ABCD-mindedness. Передал ощущение дискомфорта, отчуждения, некогерентности и репутационных рисков публикации неотредактированного разговора. Обрывы, фальстарты, повторы, хезитации, реплики эмпатического слушания, паузы, столь информативные для исследователя[6], работающего с перформативностью и молчанием, распределением власти и аффектом, интерперсональностью памяти и цензурой, становятся болезненным недоразумением для информанта и серьезным испытанием его готовности сотрудничать с нами.

сие на интерпретацию данных, полученных в ходе интервью, в исследовательских целях. По каждому пункту мы предлагаем информанту выбрать тот вариант, который представляется ему/ей наиболее приемлемым.

[5] Полный цикл подготовки одного часа интервью к размещению в открытом цифровом архиве — от расшифровки до подготовки технических слоев — обходится проекту примерно в сто часов рабочего времени.

[6] По результатам обсуждений основным форматом транскрибирования в Обнинском проекте был признан вербатим с гибкой системой нотационных знаков. Его выбрали не потому, что устраивал всех коллег, а потому, что минимизировал потерю данных.

Непрозрачный и бескомпромиссный отказ от авторизации заставил нас по-новому задуматься об устройстве проекта, в котором установки на детализированную расшифровку интервью, присущие качественному исследованию, совмещаются с практикой документации и публичной презентации живых голосов, характерной для устной истории. Исследователи-качественники стремятся к сохранению в расшифровках особенностей естественно протекающей речи, заботятся о конфиденциальности своих информантов и не горят желанием обнародовать полевые архивы. Специалисты по устной истории охотно редактируют транскрипты перед публикацией и даже переводят диалоги и полилоги в «чистые истории» — рассказы-монологи, откуда исключены реплики и вопросы интервьюера [Progler 1991]. Мы же собирались открыть доступ к корпусу неанонимизированных[7] транскриптов, хранящих следы устной речи и ее шероховатости. При этом многие наши информанты были публичными фигурами и известными учеными, дорожащими своей репутацией людей высокой культуры. Выходит, что разрешить родовые противоречия, заложенные в самом дизайне проекта, можно было только в процессе ответственного сотрудничества с нашими обнинскими собеседниками, без поддержки и понимания которых открытие интернет-архива будет невозможно по юридическим[8], этическим и эпистемологическим соображениям[9]. Но как думать и говорить об этом взаимодействии? На какие концептуализации опираться?

Начиная этот проект, мы не были ни идейными последователями феминистской ветви устной истории, ни адептами критической педагогики, ни активистами participatory action research, ни сторонниками этнографии сотрудничества — политических, социальных или же исследовательских программ, настаивающих на пересмотре иерархий и авторитетов при производстве научных знаний. Мы всего лишь хотели при помощи информа-

[7] Готовя текст информированного согласия, мы исходили из того, что автоматическая анонимизация транскриптов ограничит право наших собеседников на публичное высказывание о своей работе и жизни [Bok 1983; Ryen 2004; Giordano et al. 2007]. Поэтому мы обеспечили каждому информанту возможность выбора. За исключением пяти человек наши собеседники (многие из которых на той или иной стадии своего трудового пути жили и работали под секретом) предпочли сохранить свое имя в интервью. И опыт нашего исследования не выглядит исключительным. Так, о случаях отказа от анонимизации информантов, участвующих в медицинских исследованиях, пишет П. Кейн [Cain 1998].

[8] 27 июля 2014 г. (т. е. в самый разгар подготовки обнинских интервью к размещению в открытом доступе) был обновлен Федеральный закон № 152 «О персональных данных»: теперь он обязал всех операторов данных запастись согласиями граждан на использование их персональных данных. А поскольку биографических интервью без персональных данных не бывает, Обнинский проект, эти интервью публикующий, оказался в числе операторов.

[9] Осмысление устройства полевой работы в Обнинском проекте из перспективы цифровой публикации, анализ устного беспокойства наших собеседников и инвентаризацию опыта сотрудничества исследователей и информантов в ситуации согласования транскриптов начала и продолжает осуществлять А. К. Касаткина, курирующая это направление проектной активности (см.: [Касаткина 2015]).

ционных технологий обеспечить широкий доступ к уникальным интервью, записанным в рамках проекта. Однако реализовать этот незатейливый план без модификации эпистемологического протокола качественного исследования оказалось невозможно.

Осознать, что цифровые технологии изменяют практики, правила и результаты производства знания, означает вступить в порядок электронной науки [Meyer, Schroeder 2015]. В Обнинском проекте это осознание пришло по мере подготовки интервью к размещению в открытом интернет-доступе. В самом деле, трудно было не заметить, что наша работа с расшифровками оказалась куда более кропотливой, чем это бывает в исследовании, где данные не открывают. Серьезные силы были брошены на разработку технологических новшеств (создание программного обеспечения или усложнение системы транскрибирования), позволяющих минимизировать потерю данных при электронной публикации или сделать саму утрату предметом рефлексии. Наконец, мы больше не могли всецело контролировать свои же полевые данные — в перспективе открытия интернет-архива их нужно было обсуждать и согласовывать с обнинскими собеседниками. Под знаком взаимодействия с информантами развернулся не только сбор качественных данных, но и их первичный анализ — транскрибирование.

Транскрипт — вспомогательный и безотказный инструмент исследователя-качественника — несколько неожиданно для нас стал территорией неопределенности, риска, переговоров и эпистемологического дискомфорта. А опыт Обнинского проекта лишь подтвердил тезис Кристин Боргман о неразрывной связи между цифровым форматом представления данных и обреченностью на сотрудничество [Borgman 2007].

Мой текст — об одном из участков этой коллаборативной сети. Проблематизируя ответственность за цифровую публикацию интервью, разделенную между исследователем и информантом, я не только создаю и усиливаю концептуальную оснастку Обнинского цифрового проекта, но и рассчитываю использовать сам дигитальный вызов для того, чтобы обнаружить лакуны в протоколе качественного исследования и проработать их.

Транскрипт и фантазм

Обнинский проект — одно из цинических (в значении, которое Славой Жижек придавал концепту Петера Слотердайка [Жижек 1999: 39]) порождений общества интервью, ориентированного на интенсивное использование диалогического взаимодействия собеседников ради неотчужденного производства знания и субъективностей [Atkinson, Silverman 1997]. Мы понимаем, что интервью — это искусственная ситуация взаимодействия [Potter 1997]. Осознаём, что полученные нами данные ситуативны, контекстуально специфичны [Mondada 2007; Poland 1995] и, собственно, сконструированы нами же. Подозреваем, что иллюзия понимания внутри интервью — imposition effect — возникает из духа нарциссических или

просто невнимательных вопросов [Bourdieu 1997: 20], а само интервью регулярно превращается в пространство реализации власти [Kvale 2006; Corbine, Morse 2003; Gubrium, Koro-Ljungberg 2005; Vahasantanen, Saarinen 2013; Briggs 2005; Karnieli-Miller et al. 2009]. Но все равно мы делаем ставку на качественные интервью и записываем их.

Выбирая транскрипт в качестве средства репрезентации и инструмента аналитического препарирования аудиозаписи, мы всякий раз выбираем перевод [Bourdieu 1997; Dunaway 1984], интерпретацию [Kvale 1996], переписывание [Lapadat, Lindsay 1999]. Пытаемся изо всех сил втиснуть «непричесанную» устную речь, следующую локальным порядкам взаимодействия, в нормативный формуляр письма [West 1996]. Замораживаем и стабилизируем ее [Denzin 1995]. Чем больше стараемся детализировать расшифровку, тем больший эффект отчуждения производим [ten Have 1990]. В точке разрыва между устной речью и письмом создаем и накапливаем аналитическое напряжение, без которого — об этом Элизабет Ош писала еще в 1970-е — адская работа транскрибирования стремительно утрачивает смысл [Ochs 1979]. И да, именно транскрипт — сколь бы несовершенным он ни был — становится рамкой качественного исследования [Lapadat 2000] и дает ту степень детализации, которая делает насыщенную аналитику возможной [Psathas, Anderson 1990].

На фоне той массы текстов, что за последние двадцать лет — из перспективы конверсационного анализа, дискурсивной прагматики, nurse research, гендерных исследований — произвели качественные исследователи [Lane 1996; Perakyla 1997; Koelsch 2013; MacLean et al. 2004; Lapadat, Lindsay 1999; Lapadat 2000; Page et al. 2000; Bucholtz 2000; Forbat, Henderson 2005; Halcomb, Davidson 2006; Mondada 2007; Psathas, Anderson 1990; Sandelowski 1994; Tilley 2003; Scheurich 1995 etc.], как-то неловко утверждать, что транскрипту и техникам транскрибирования не уделяют должного внимания. Но ощущение непроговоренности почему-то остается.

Пожалуй, одно из самых больших удивлений, вынесенных из опыта реализации Обнинского проекта, — это осознание того, что качественные исследователи, в великих битвах с количественным подходом столько внимания уделившие доказательству своего морального превосходства [Burman 1997] — отказу от объективаций, эгалитаризму, мягким техникам и открытому диалогу с информантом, — прямо-таки узурпировали право на транскрипт. Исключение информанта из порядка работы с расшифровкой зачастую объясняется при помощи риторики спонтанности, в которой видят залог аутентичности слов информанта. О неотрефлексированных психоаналитических истоках этой установки мельком — а хотелось бы подробнее — пишет П. Бурдье [Bourdieu 1997: 30].

Согласование без публикации: история неудач или новый опыт?

И все же, как показывает анализ литературы, традиция разделять данные, аналитические категории, интерпретации и выводы с теми, от кого полевая информация была получена (member checking), в качественных исследованиях существует [Lincoln, Guba 1985]. У нее есть разные названия: «обратная связь, получаемая от информанта» (informant feedback) [Onwuegbuzie, Leech 2007], «валидация, получаемая от респондента» (respondent validation) [Mays, Pope 2000], «валидация, получаемая от участника интервью» (member validation) [Schwandt 2007]. Есть и широкий диапазон активностей — от минимального и не предполагающего обратной связи ознакомления информанта с транскриптом [Forbat, Henderson 2005] до включения информантов в исследование в качестве транскриберов [Grundy et al. 2003]. Для того чтобы отделить ознакомление участников интервью с транскриптами на ранних стадиях анализа данных (до кодирования) от других форм обсуждения, В. Хагенс и соавторы предлагают говорить об особой технике — рецензировании транскрипта интервьюируемым (interviewee transcript review) [Hagens et al. 2009].

Р. Пейдж и соавторы называют три основные причины использования member checking: валидация и подтверждение качественных данных, долг вежливости перед теми, кто потратил время на участие в чужом исследовании, и стремление усилить позицию информантов в процессе производства знания [Page et al. 2000]. Валидация, которая в данном случае понимается как «подтверждение аккуратности представления субъективности участников интервью», выходит на первый план [Carlson 2010; Bloor 1997; Cho, Trent 2006]. Вот только тех, кто ищет в этом акте строгой процедуры, ожидает разочарование: внося мелкие, средние и крупные правки [Mero-Jaffe 2011], информанты создают новые, нередко несогласованные тексты [Hagens et al. 2009]. Из постпозитивистской перспективы Л. Кельш предлагает различать транзактную и трансформационную валидность. Первая направлена на поиски когерентности, цельности и связности в опыте информанта, вторая — на поиски полезности, приемлемости и рефлексивности [Koelsch 2013: 172].

При этом трудно избавиться от ощущения, что прагматика публикаций, посвященных возвращению информантам транскриптов, — это проработка болезненного опыта неформатного и зачастую неуспешного профессионального взаимодействия, пережитого самими интервьюерами. Несмотря на все труды и затраченные усилия, информанты стабильно негативно реагируют на какие бы то ни было попытки исследователей письменно зафиксировать специфику устной речи. Смущение и ощущение угрозы описываются в качестве базового аффективного фона знакомства информанта с транскриптом [Mero-Jaffe 2011]. С. Квале уверяет, что при знакомстве с транскриптом информант испытает шок [Kvale 1996]. Устный историк феминистской ориентации А. Тёрнбулл с горечью пишет, что была вынужде-

на отойти от вербатима: ее информантки — профессиональные британские социологи — ощутили себя по ходу чтения транскриптов «идиотками» и обвинили исследовательницу в лени при выставлении пунктуации [Turnbull 2000]. Л. Форбат и Дж. Хендерсон делятся негативным опытом «прямого» показа информантам полного текста транскриптов (их информанты тоже были недовольны качеством своей устной речи) и рекомендуют передавать информантам лишь категоризированные фрагменты транскрипта, аналитически освоенного и присвоенного исследователем [Forbat, Henderson 2005]. Дж. Карлсон рисует эпическую картину полевой неудачи: один информант счел ее работу неаккуратной, другой отказался признавать в транскрипте собственную речь, третий переписал транскрипт подчистую, четвертый и вовсе отказался от процедуры member checking, не в силах справиться с разочарованием [Carlson 2010]. Интересно, что у этого регрессивного исследовательского нарратива есть четкий гендерный профиль.

Э. Бухбиндер, который интервьюировал коллег-качественников, работающих с техникой member checking, интерпретирует истоки переживаемого ими дискомфорта уже не в медийных (устное — письменное), а в политических категориях. На его взгляд, болезненным оказывается изменение функции информанта, получившего доступ к транскрипту или другим аналитическим данным. Такой информант из резервуара данных разом превращается в инстанцию контроля и оценки качества работы исследователя [Buchbinder 2011]. Неудивительно, что исследователю, привыкшему к гегемонии, перераспределение активности, авторитета и власти дается с трудом. В дискомфорте согласования эта — критическая — перспектива позволяет обнаружить потенциал для развития качественного исследования.

Л. Форбат и Дж. Хендерсон делают следующий шаг по направлению к конструктивному осмыслению результатов member checking. Они сосредотачиваются на отношениях между информантом и репрезентацией его устной речи. Реакцию «я это говорил?!», знакомую всякому, кто когда-либо показывал детализированный транскрипт информанту, они описывают уже не в категориях отчуждения от собственного слова, а в категориях нового опыта [Forbat, Henderson 2005]. И если принять эту точку зрения, то от исследователя в ситуации согласования расшифровок потребуются терпеливое объяснение своим собеседникам права неотредактированной «речи.doc» на существование в публичных сферах, аккуратная поддержка новой экологии интервью и умение ждать. Здесь главным рецептом от дискомфорта и непонимания становится интенсификация взаимодействия с информантом. К. Риссман предлагает как минимум пояснять, для чего понадобилась такая точность расшифровки [Riessman 1993]. До того как информанты начнут работать с транскриптами, Дж. Карлсон рекомендует рассказать им о том, что они могут испытать при столкновении с текстами, над которыми далеко не всегда властна грамматика [Carlson 2010]. Д. Кландинин и Ф. Коннелли советуют делать акцент на значимости

вклада информанта в производство знаний, памяти, опыта, присутствия, подчеркивая при этом, что его/ее голос важнее грамматической корректности, а нарушения языковой нормы типичны для устной речи [Clandinin, Connelly 2000].

Словом, советы, адресованные исследователю, который задумал вернуться к своему информанту с транскриптом, тяготеют к одной из трех стратегий. Информанта убеждают в обоснованности выбранного исследователями способа представления устной речи, попутно сообщая ему об актуальных техниках гуманитарного исследования (*стратегия просвещения*). Исследователь и информант соотносят свои представления о том, как должен выглядеть транскрипт, и ищут компромиссное решение (*стратегия переговоров*). Исследователь выстраивает исследование с учетом перспективы информанта или из этой перспективы (*стратегия ассоциации*). По мнению Дж. Кресвелла и Д. Миллер, коллаборация в исследовании неотделима от освоения и использования «линзы информанта» [Creswell, Miller 2000]. Но, может быть, репертуар позиций сотрудничества может быть куда более разнообразным?

Наши предшественники показывали расшифровки своим информантам, не покидая исследовательской кухни. Они это делали для того, чтобы исправить фактические ошибки в транскриптах, уточнить интерпретации, развить темы или сориентироваться в анализе. На этом фоне наш шаг можно счесть радикальным: мы предлагаем информантам «авторизовать» исследовательский транскрипт для электронной публикации — т. е. подтвердить свое согласие с выносимым на публику текстом. Тем самым мы признаём значимый вклад наших собеседников в создание и ратификацию обнинского корпуса.

Публикация транскриптов полевых интервью — эпистемологический оксюморон?

Эпизод из жизни качественного исследователя, по просьбе информанта отредактировавшего — олитературившего — фрагменты транскрипта, сошел со страниц классической монографии Стейнара Квале и начал свое путешествие по текстам, посвященным встрече информанта и транскрипта [Kvale 1996]. Только ленивый не пересказал поучительную историю о преподавателе датского языка, который попросил исследователя изъять расшифровки своих реплик из главы будущей книги или переформулировать их — так предосудительно плох был его датский. На этом, собственно, разговор о публикации транскриптов исследователями-качественниками закончился на полтора десятилетия. А потому неудивительно, что, вводя в поисковик Google Scholar «transcript publication», проще выйти на тексты о расшифровке генома человека, чем на подборку работ качественных исследователей. Это — не их сюжет.

Не очень активно обсуждается и роль технологий в производстве качественных данных. Разумеется, пособия по технике качественного интервьюирования неизменно рекомендуют исследователю проверять диктофон и запасаться батарейками. Зато рефлексия о роли средств записи в становлении традиции качественных исследований находится в зачаточном состоянии. Есть серия оговорок о том, что аудиозапись обеспечила уровень детализации интеракции, необходимый для появления конверсационного анализа [Pomerantz, Fehr 1997] или поворота к нарративу в социальных исследованиях [Langeiller 2001]. Упоминается, что видеозапись ведет к усложнению информации, получаемой в качественном интервью [Lapadat 2000], и требует новых техник транскрибирования [Norris 2002]. Довольно много пишут о менеджменте качественных данных при помощи компьютерных технологий — CAQDAS (Computer Assisted Qualitative Data Analysis Software) [Edwards, Lampert 1993; MacWhinney, Snow 1991; McLellan et al. 2003; etc.]. Кое-что — о новых цифровых и сетевых объектах для этнографической работы [Dicks et al. 2005; Schrum 1995]. Но это скорее вспышки отдельных инструментальных разговоров, чем серьезная дискуссия, необходимая нашему полю.

Далекие в своей массе от рефлексии о дигитальных трансформациях гуманитарного знания и научной работы, качественные исследователи слабо вовлечены в дебаты об открытых данных [Murray-Rust 2008] и электронной науке [Taylor et al. 2007]. В них зачастую видят апофеоз недружественной количественной парадигмы. Но ведь именно в этих областях рождается принципиально новый взгляд на установление связи между свободным доступом к данным и интенсификацией сотрудничества в исследовании. Обсуждая дисциплинарные различия в отношении открытого доступа к данным исследования, Кристин Боргман отмечает, что открытие доступа к материалам полевых интервью — это особый, сложный случай в актуальной истории цифровой научной работы. И тут же описывает четыре барьера, препятствующих вовлечению гуманитариев в процесс sharing data (разговор о повторном и/или совместном использовании эмпирических данных затеяли химики): а) ориентация на публикацию собственных текстов, а не на менеджмент данных; б) специфические представления о способах репрезентации данных; в) интерпретация и реинтерпретация (а не, например, поиск и создание данных) как главное достояние гуманитария; г) контроль за интеллектуальной собственностью [Borgman 2007: 222–224].

В последнее время локомотивом движения ученых к открытию своих данных и свободному обмену ими становятся крупнейшие европейские и американские научные фонды. Своей грантовой политикой они подталкивают даже несговорчивых качественников если не к размещению полевых данных в открытом доступе, то к началу разговора об этом. Говорят о контроле над доступом к данным и о защите приватности информантов; об осмысленности вторичного использования материалов, собранных в не-

воспроизводимых полевых обстоятельствах, и, наконец, о возможностях и ограничениях цифрового формата хранения [Slavnic 2013; Zeitlin 2012; Mauthner, Doucet 2008; Moore 2007]. Открытые цифровые среды опознаются нашими коллегами по цеху в качестве пространства новых этических вызовов для качественных исследователей. М. Райс-Лайвли пишет, что исследовательскую методологию этнографа нужно адаптировать к новым цифровым технологиям [Rice-Lively 1994]. Правда, пока эта адаптация касается прежде всего использования в исследовании новых цифровых материалов (блогов и форумов).

Покуда качественные исследователи дискутируют, устные историки размещают в Интернете архивы интервью — аудиозаписи, видеоинтервью, расшифровки – и рефлексируют о «четвертой парадигме», в рамках которой ставка делается на цифровые данные и насыщение ими исследования [Thomson 2007]. Рассматривая своих собеседников в качестве очевидцев и соучастников истории, принимая в расчет политические аспекты конструирования памяти, сознательно ориентируясь на публичность аналитического действия, устные историки развивают и поддерживают традицию вовлечения информантов в процесс совместного производства текста для его последующей передачи в архив. Сегодня это — цифровые, нередко открытые для широкого круга пользователей архивы.

Эта деятельность, как нам представляется, неотделима от рефлексии по поводу роли технологий коммуникации в производстве устной истории. Так, один из отцов устной истории замечает, что тот, кто хочет оставаться участником и координатором процесса коммуникации, должен следовать за развитием средств коммуникации [Thomson 2000]. А автор одного из самых свежих руководств по технологии проведения исследования признает, что цифровые технологии изменили каждый аспект устной истории — от интервьюирования до размещения архивов [Ritchie 2015: 177]. Размещение интервью в открытых цифровых средах (Д. Ритчи настаивает на том, что это не публикация, а скорее — дистрибуция [Там же: 71]) становится для устных историков одной из неотъемлемых составляющих исследовательского цикла, включенной в пособия и руководства. Показательно, что у социологов-качественников исследование заканчивается отчетом, у устных историков — публикацией данных.

Неудивительно, что в этих обстоятельствах право на интервью и его расшифровку принадлежит информанту [Yow 2005]. Анонимизация интервью допускается, но идеологически не поддерживается, так как противоречит представлениям историка не только о политике прошлого, но и о валидном источнике. Защита личности информанта обеспечивается за счет разных режимов доступа к интервью — например, рассматриваются варианты отсроченного — иногда надолго — доступа [Boschma et al. 2003]. Подписывается (иногда не один раз, например, в начале исследования и после ознакомления с транскриптом) согласие и разрешение на публикацию данных [Yow 2005; Thompson 2000: 263].

Авторизация — в качестве удостоверения права на публикацию — упоминается устными историками, но не становится для них особым пунктом, как это принято, например, в социальных исследованиях медицины. Устные историки куда больше внимания уделяют техникам редактирования и охотно используют их. Именно эти техники должны сберечь информанту репутацию грамотного человека и обеспечить перевод транскрипта в публичный (и публикуемый) формат. Так, Дж. Проглер, подготовивший интервью с одним из создателей электронной музыки, работал с тремя редакциями транскрипта: а) вербатимом, б) отредактированным и олитературенным интервью, в) прозой (так автор называет текст, из которого удалены реплики и вопросы интервьюера), адресованной максимально широкой аудитории — в том числе любителям электронной музыки [Progler 1991].

Создается впечатление, что устные историки без особых рисков для своей эпистемологической программы переводят эмпирические данные в формат, отвечающий установкам самой широкой аудитории читателей. Не исключено, что приоритет создания источника над интерпретацией, характерный для устной истории, способствует легкости этого перевода. Так, Д. Ритчи, переходя в своем пособии к обзору техник анализа, доступных устному историку, задается показательным риторическим вопросом: «Что еще можно делать в устной истории, кроме как собирать коллекцию интервью?» [Ritchie 2015: 122]. А вот качественный исследователь — социолог, антрополог, психолог — по-прежнему остается заложником своей аналитической позиции. Он не может ограничиться производством источника и без остатка обменять эту позицию — или линзу, если использовать концепт Дж. Кресвелла и Д. Миллер [Creswell, Miller 2000], — на линзу читателя или информанта, как это делают устные историки или радикальные сторонники participatory action research. А значит, нам необходимо использовать режимы более сложного и тонкого согласования разнообразных позиций и интересов. Необходимы пространство и режимы коммуникации, позволяющие это согласование воплотить в жизнь.

Со-авторизация представляется нам подходящей территорией, инструментом и возможностью для артикуляции сотрудничества сторон при подготовке материалов интервью к публикации или размещении в открытом доступе.

Со-авторизация: к эскизу концепта

В 1990 г. Майкл Фриш — американский историк, чувствительный к медиатизации исторического знания, — опубликовал сборник аналитических зарисовок: «Разделенный авторитет: эссе о ремесле и значении устной и публичной истории», с которого в устной истории началась дискуссия о сотрудничестве (см, например: [Thompson 2003; Leavy 2011]). Фриш поставил вопрос о связи авторитета, авторства и разделенного опыта участия исследователя и информанта в создании устной истории, которая создает

свои документы как эксплицированные диалоги о памяти [Frisch 1990: 83]: «Кто же, в самом деле, является автором устной истории? Следует ли при этом говорить об отдельном интервью или об увесистом томе исторических исследований? Всегда ли автором является исследователь, который задает вопросы и обрабатывает результаты? Или же субъектом является тот, чьи слова и свидетельства составляют душу публикуемых текстов? И если — что я намерен доказать — мы нуждаемся в понимании способов, посредством которых оформляется авторство, что все это значит для понимания того, как интервью может становиться источником для Hi/story? Каковы отношения между интервьюером и рассказчиком в производстве всех этих историй, рассказанных версий прошлого? Кто ответствен за эти истории, и где сосредоточен их интерпретативный авторитет? Как нам следует понимать интерпретации, которые, по сути, совместными усилиями производятся в ходе интервью в атмосфере кооперации или напряжения? Как это сотрудничество должно быть репрезентировано или, что происходит куда чаще, затемнено и мистифицировано? И что становится результатом такого сотрудничества?» [Ibid: xx].

Продолжая намеченную Фришем линию, мы намерены проблематизировать саму возможность использования концепта авторства[10] в отношении исследовательских материалов, характеризующихся сложной композицией соучастия и множественными вкладами. Разработка «умной» — т. е. совмещающей функции хранения и анализа — структуры хранилища для сайта Обнинского проекта заставила нас с коллегами подойти к этому вопросу с технической, предельно инструментальной стороны.

Создавая структуру метаданных для сквозного описания основных эмпирических материалов и источников нашего исследования, мы столкнулись с серьезными ограничениями в применении концепта авторства к большей части материалов. В первую очередь затруднения коснулись транскриптов исследовательских интервью и побудили нас вопрошать в духе Фриша. Кто должен быть внесен в графу «автор», если речь идет о транскрипте? Транскрибер, десятки часов потративший на создание расшифровки, повторное прослушивание аудиозаписей, уточнение терминов и географических наименований, распутывание индивидуальной манеры речи? Интервьюер, который организовывал интервью, работал с транскрибером, выверял неточности и участвовал в беседе? Оператор авторизации, который в отсутствие интервьюера готовил материалы расшифровки для передачи информанту, сличая расшифровку с записью, удаляя фрагменты текста, опасные для авторизации, восстанавливая лакуны, помещая эти фрагменты в квадратные скобки? Или же сам информант, который вычиты-

[10] Очень даже не исключено, что, вступая в отношения множественного участия, открывая тексты для дополнения, расширения, переписывания, мы выходим за историческую границу моделей авторства, сложившихся в европейской традиции и придающих ей форму (см.: [Аверинцев 1996]).

вает эту расшифровку и, соотнося ее с рассказанным опытом своей жизни, вносит дополнения и изменения, временами радикально урезая или переписывая текст? После некоторых раздумий графа, позволяющая учитывать персональные вклады в создание конкретного источника, была названа не «автор», но «участие». Концепт *участие* позволяет нам зафиксировать и принять во внимание более разнообразные — в том числе технические, фоновые, координационные — вклады в производство транскрипта и других цифровых источников.

М. Фриш, как уже было сказано, интересовался связкой между «авторством» и «авторитетом» в устной истории. Он указывал на стратегическую взаимосвязь между этими типами отношений. И полагал, что, изменяя — расширяя, разделяя между интервьюером и исследователем — отношения авторства, мы, тем самым, пересматриваем иерархию авторитета. Для Фриша было важно, чтобы гегемония академического авторитета была подвергнута критической ревизии. Но он и не думал отказываться от находок и инсайтов профессиональных исследователей [Frisch 1990: xxi].

Обеспечение видимого присутствия всех, кто работал над созданием источника, представляется для нас предприятием принципиальным еще и потому, что невидимость и забвение в той или иной степени угрожают любому, кто участвует в превращении аудиозаписи в опубликованный транскрипт. Передача транскрипта информанту, размораживание расшифровки для новых вкладов, которые информант может сделать в ходе знакомства с текстом, формирование новых представлений об экологии интервью и границах контроля — это идеологически и эпистемологически важные шаги на пути признания права информанта на текст и усиления его позиции в исследовании. Но, как справедливо отмечают исследователи [MacLean et al 2004; Tilley 2003; Easton et al. 2000], транскрибер тоже является активным участником работы по созданию транскрипта, а его ценности и ошибки самым существенным образом влияют на ход и смысл расшифровки. Неужели его имя не должно быть упомянуто, а вклад — отрефлексирован? Наконец, интервьюер-исследователь. С одной стороны, он то и дело норовит присвоить транскрипт и установить единоличный контроль над его окончательной формой. С другой — охотно редуцирует беседу, построенную на вкладах участников, к чистому и монолитному высказыванию информанта, почти всякий раз исключая из расшифровки свои реплики эмпатического слушания, а иногда — вопросы и комментарии. Дж. Шерих описывает это выдвижение информанта на первый план и сокрытие исследователя как одну из техник производства асимметрии в качественном интервью [Scheurich 1995: 247]. А Родс вспоминает о «литературных неграх», когда характеризует симулятивную деятельность исследователя/расшифровщика в отношении транскрипта. Человек, остающийся «за кадром», выдает созданный им текст (расшифровку) за продукт деятельности информанта [Rhodes 2000:

514]. Куда это годится? Возвращение видимости со-участия и его документация — это не только право, но и ответственность партнеров по подготовке интервью к публикации за текст и его смыслы.

В перспективе размещения интервью в открытом доступе вопросы разделенного права на интервью и ответственности за текст расшифровки выходят на первый план. Ведь именно задумываясь о широком круге читателей, исследователь раз за разом маниакально сличает расшифровку с текстом. А информант — беспокоится и вымарывает обидные для коллег оценки. Таким образом, даже источники с размытым, разделенным, смазанным, рассеянным авторством в перспективе публикации требуют подтверждения личной, но распределенной ответственности за актуальное состояние текста и действий, обеспечивающих его публичное бытование. Комплекс этих действий вместе с технологиями их репрезентации мы называем со-авторизацией.

PS: Цифровой протез со-авторизации

М. Фриш предлагал не только принимать во внимание факт сотрудничества исследователя и информанта в ходе создания интервью, но и задуматься о способах репрезентации этого сотрудничества [Frisch 1990; 2006]. В условиях интенсивного развития цифровых технологий создается все больше и больше инструментов для обеспечения работы соавторов над текстом. А в рамках Обнинского цифрового проекта программист Павел Колесников разрабатывает и адаптирует к размещению на сайте проекта программное обеспечение (Layer Maker, Layer Viewer), которое позволяет сделать вклады исследователя и информанта в подготовку транскрипта к открытой публикации — т. е. акты со-авторизации — видимыми.

Литература

Аверинцев 1996 — *Аверинцев С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Языки русской культуры, 1996.

Жижек 1999 — *Жижек С.* Возвышенный объект идеологии / Пер. В. Сафронова. М.: Худ. журнал, 1999.

Касаткина 2015 — *Касаткина А. К.* Исследовательское интервью и открытый электронный архив: трансформация метода, новая технология представления, архив как место встречи // Векторы развития современной России. От формирования ценностей к изобретению традиций. Материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых. 11–12 апреля 2014 года / Под общ. ред. М. Г. Пугачевой. М.: Дело, 2015. С. 238–249.

Atkinson, Silverman 1997 — *Atkinson P., Silverman D.* Kundera's immortality: The interview society and the invention of the self // Qualitative Inquiry. Vol. 3. 1997. P. 304–327.

Bloor 1997 — *Bloor M.* Techniques of validation in qualitative research: A critical commentary / Context and method in qualitative research / Ed. by G. Miller, R. Dingwall. London: SAGE, 1997. P. 37–50.

Bok 1983 — *Bok S*. The limits of confidentiality // Hastings Center Report. Vol. 13. No. 1. 1983. P. 24–31.

Borgman 2007 — *Borgman Ch*. Scholarship in the digital age: Information, infrastructure and the Internet. Cambridge, MA: MIT Press, 2007.

Boschma et al. 2003 — *Boschma G., Yonge O., Mychajlunow L.* Consent in oral history interviews: Unique challenges // Qualitative Health Research. Vol. 13. No. 1. 2003. P. 129–135.

Bourdieu 1997 — *Bourdieu P*. Understanding // Theory, Culture and Society. Vol. 13. No. 2. 1997. P. 17–37.

Briggs 2005 — *Briggs C. L*. Interviewing, power / knowledge and social inequality // Inside interviewing: New lenses, new concerns / Ed. by J. A. Holstein, J. F. Gubrium. London: SAGE, 2005. P. 495–506.

Buchbinder 2011 — *Buchbinder E*. Beyond checking: Experiences of the validation interview // Qualitative Social Work. Vol. 10. No. 1. 2011. P. 106–122.

Bucholtz 2000 — *Bucholtz M*. The politics of transcriptions // Journal of Pragmatics. Vol. 32. 2000. P. 1439–1465.

Burman 1997 — *Burman E.* Minding the gap: Positivism, psychology, and the politics of qualitative methods // Journal of Social Issues. Vol. 53. No. 4. 1997. P. 785–801.

Cain 1998 — *Cain P*. The limits of confidentiality // Nursing Ethics. Vol. 5. No. 2. 1998. P. 158–165.

Carlson 2010 — *Carlson J.* Avoiding traps in member checking // The Qualitative Report. Vol. 15. No. 5. 2010. P. 1102–1113.

Cho, Trent 2006 — *Cho J., Trent A*. Validity in qualitative research // Qualitative Research. Vol. 6. No. 3. 2006. P. 319–340.

Clandinin, Connelly 2000 — *Clandinin D., Connelly F*. Narrative inquiry: Experience and story in qualitative research. San Francisco: Jossey-Bass. 2000.

Corbin, Morse 2003 — *Corbin J., Morse J*. The unstructured interactive interview: Issues of reciprocity and risks when dealing with sensitive topics // Qualitative Inquiry. Vol. 9. No. 3. 2003. P. 335–354.

Creswell, Miller 2000 — *Creswell J. W., Miller D. L*. Determining validity in qualitative inquiry // Theory into Practice. Vol. 39. No. 3. 2000. P. 124–130.

Denzin 1995 — *Denzin N. K*. The experiential text and the limits of visual understanding // Educational Theory. Vol. 45. 1995. P. 7–18.

Dicks et al. 2005 — *Dicks B., Mason B., Coffey A., Atkinson P*. Qualitative research and hypermedia: Ethnography for the digital age. London: SAGE, 2005.

Dunaway 1984 — *Dunaway D*. Transcription: Shadow or reality? // Oral History Review. Vol. 12. 1984. P. 113–117.

Easton et al. 2000 — *Easton K. L., McComish J. F., Greenberg R*. Avoiding common pitfalls in qualitative data collection and transcription // Qualitative Health Research. Vol. 10. 2000. P. 703–707.

Edwards, Lampert 1993 — Talking data: Transcription and coding in discourse research / Ed. by J. A. Edwards, M. D. Lampert. Hillsdale (NJ): Lawrence Erlbaum, 1993.

Forbat, Henderson 2005 — *Forbat L., Henderson J.* Theoretical and practical reflections on sharing transcripts with participants // Qualitative Health Research. Vol. 15. 2005. P. 1114–1128.

Frisch 1990 — *Frisch M.* A shared authority: Essays on the craft and meaning of oral and public history. Albany, NY: SUNY Press, 1990.

Frisch 2006 — *Frisch M*. Oral history and the digital revolution // The oral history reader / Ed. by R. Perks, A. Thomson. London: Routledge, 2006. P. 102–114.

Giordano et al. 2007 — *Giordano J., O'Reilly M., Taylor H., Dogra N*. Confidentiality and autonomy: The challenge(s) of offering research participants a choice of disclosing their identity // Qualitative Health Research. Vol. 17. No. 2. 2007. P. 264–275.

Grundy et al. 2003 — *Grundy A., Pollon D., McGinn M*. The participant as transcriptionist: Methodological advantages of a collaborative and inclusive research practice // International Journal of Qualitative Methods, Vol. 2. No. 2. 2003. P. 1–19.

Gubrium, Koro-Ljungberg 2005 — *Gubrium E., Koro-Ljungberg M*. Contending with border making in the social constructionist interview // Qualitative Inquiry. Vol. 11. No. 5. 2005. P. 689–715.

Hagens et al. 2009 — *Hagens V., Dobrow M. J., Chafe R*. Interviewee transcript review: Assessing the impact on qualitative research // BMC Medical Research Methodology. Vol. 9. 2009. P. 47–56.

Halcomb, Davidson 2006 — *Halcomb E., Davidson P*. Is verbatim transcription of interview data always necessary? // Applied Nursing Research. Vol. 19. 2006. P. 38–42.

Karnieli-Miller et al. 2009 — *Karnieli-Miller O., Strier R., Pessach L*. Power relations in qualitative interview // Qualitative Health Research. Vol. 19. No. 2. 2009. P. 279–289.

Koelsch 2013 — *Koelsch L*. Reconceptualizing the member-check interview // International Journal of Qualitative Methods. Vol. 12. 2013. P. 168–179.

Kvale 1996 — *Kvale S*. Interviews: An introduction to qualitative research interviewing. London: SAGE, 1996.

Kvale 2006 — *Kvale S*. Dominance through interviews and dialogue // Qualitative Inquiry. Vol. 12. No. 3. 2006. P. 480–500.

Lane 1996 — *Lane V*. Typists' influences on transcription: Aspects of feminist nursing epistemic rigour // Nursing Inquiry. Vol. 3. 1996. P. 159–166.

Langeiller 2001 — *Langeiller K. M*. Personal narrative // Encyclopedia of life writing: Autobiographical and biographical forms / Ed. by M. Jolly. Vol. 2. London: Fitzroy Dearborn, 2001. P. 699–701.

Lapadat 2000 — *Lapadat J*. Problematizing transcription: Purpose, paradigm and quality // International Journal of Social Research Methodology. Vol. 3. No. 3. 2000. P. 203–219.

Lapadat, Lindsay 1999 — *Lapadat J., Lindsay A*. Transcription in research and practice: From standardization of technique to interpretive positioning // Qualitative Inquiry. Vol. 5. 1999. P. 64–86.

Leavy 2011 — *Leavy P.* Oral history: Understanding qualitative research. Oxford: Oxford Univ. Press, 2011.

Lincoln, Guba 1985 — *Lincoln Y., Guba E*. Naturalistic inquiry. Thousand Oaks: SAGE, 1985.

MacLean et al. 2004 — *MacLean L., Meyer M., Estable A*. Improving accuracy of transcripts // Qualitative Health Research. Vol. 14. 2004. P. 113–123.

MacWhinney, Snow 1991 — *MacWhinney B., Snow C.* The wheat and the chaff of four confusions regarding CHILDES // Journal of Child Language. Vol. 19. 1991. P. 435–458.

Mauthner, Doucet 2008 — *Mauthner N. S., Doucet A*. Knowledge once divided can be hard to put together again // Sociology. Vol. 42. No. 5. 2008. P. 971–985.

Mays, Pope 2000 — *Mays N., Pope G*. Qualitative research in health care. Assessing quality in qualitative research // British Medical Journal. Vol. 1. 2000. P. 114–116.

McLellan et al. 2003 — *McLellan E., MacQueen K., Neidig J*. Beyond the qualitative interview: Data preparation and transcription // Field Methods. Vol. 15. No. 1. 2003. P. 63–84.

Mero-Jaffe 2011 — *Mero-Jaffe I*. "Is that what I said?" Interview transcript approval by participants: An aspect of ethics in qualitative research // International Journal of Qualitative Methods. Vol. 10. No. 3. 2011. P. 231–247.

Meyer, Schroeder 2015 — *Meyer E., Schroeder R*. Knowledge machines: Digital transformations of the sciences and humanities. Cambridge, MA: MIT Press, 2015.

Mondada 2007 — *Mondada L*. Commentary: Transcript variation and the indexicality of transcribing practices // Discourse Studies. Vol. 9. No. 6. 2007. P. 809–821.

Moore 2007 — *Moore N*. (Re)Using qualitative data? // Sociological Research Online. Vol. 12. No. 3. 2007. URL: http://www.socresonline.org.uk/12/3/1.html.

Murray-Rust 2008 — *Murray-Rust P*. Open Data in science // Serials Review. Vol. 34. No. 1. 2008. P. 52–64.

Norris 2002 — *Norris S*. The implication of visual research for discourse analysis: Transcription beyond language // Visual Communication. Vol. 1. No. 1. 2002. P. 97—121.

Ochs 1979 — *Ochs E*. Transcription as theory // Developmental pragmatics / Ed. by E. Ochs, B. Schieffelin. New York: Academic Press, 1979. P. 43–71.

Onwuegbuzie, Leech 2007 — *Onwuegbuzie A., Leech N*. Validity and qualitative research: An oxymoron? // Quality and Quantity. Vol. 41. No. 2. 2007. P. 233–249.

Page et al. 2000 — *Page R., Samson Y., Crockett M*. Reporting ethnography to informants // Acts of inquiry in qualitative research / Ed. by B. Brizuelf, J. Stewart, R. Carrillo, J. Berger. Cambridge, MA: Harvard Educational Review, 2000. P. 321–352.

Perakyla 1997 — *Perakyla A*. Reliability and validity in research based on tapes and transcripts // Qualitative Research: Theory, Method and Practice / Ed. by D. Silverman. London: SAGE, 1997. P. 201–220.

Poland 1995 — *Poland B*. Transcription quality as an aspect of rigor in qualitative research // Qualitative Inquiry. Vol. 1. No. 3. 1995. P. 290–310.

Pomerantz, Fehr 1997 — *Pomerantz A., Fehr B*. Conversation analysis: An approach to the study of social action as sense making practices // Discourse as social interaction / Ed. by T. A. Van Dijk. London: SAGE, 1997. P. 65–91.

Potter 1997 — *Potter J*. (1997). Discourse analysis as a way of analyzing naturally occurring talk // Qualitative Research: Theory, Method and Practice. 1997. P. 144–160.

Progler 1991 — *Progler J*. Choices in editing oral history: The distillation of Dr. Hiller // Oral History Review. Vol. 19. No. 1—2. 1991. P. 1–16.

Psathas G., Anderson 1990 — *Psathas G., Anderson T*. The "practices" of transcription in conversation analysis // Semiotica. Vol. 78. 1990. P. 75–99.

Rhodes 2000 — *Rhodes C*. Ghostwriting research: Positioning researcher in the interview text // Qualitative Inquiry. Vol. 6. No. 4. 2000. P. 511–525.

Rice-Lively 1994 — *Rice-Lively M*. Wired warp and woof: An ethnographic study of a networking class // Internet Research. Vol. 4. No. 4. 1994. P. 20—35.

Riessman 1993 — *Riessman C*. Qualitative studies in social work research. Thousand Oaks, CA: SAGE, 1993.

Ritchie 2015 — *Ritchie D*. Doing oral history. New York: Oxford Univ. Press, 2015.

Ryen 2004 — *Ryen A*. Ethical issues // Qualitative research practice / Ed. by C. Seale, G. Gobo, J. F. Gubrium, D. Silverman.), London: SAGE, 2004. P. 230–247.

Sandelowski 1994 — *Sandelowski M.* Focus on qualitative methods: Notes on transcription // Research in Nursing and Health. Vol. 17. No. 4. 1994. P. 311–314.

Scheurich 1995 — *Scheurich J*. A postmodern critique of research interviewing // Qualitative Studies in Education. Vol. 8. 1995. P. 239–252.

Schrum 1995 — *Schrum L*. Framing the debate: Ethical research in the information age // Qualitative Inquiry. Vol. 1. No. 3. 1995. P. 311–326.

Schwandt 2007 — *Schwandt T*. The SAGE dictionary of qualitative inquiry. London: SAGE, 2007.

Slavnic 2013 — *Slavnic Z*. Towards qualitative data preservation and re-use — Policy trends and academic controversies in UK and Sweden // Forum: Qualitative Social Research. Vol. 14. No. 2. 2013. URL: http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/1872.

Taylor et al. 2007 — Workflows for e-Science: Scientific workflows for grids / Ed. by I. J. Taylor, E. Deelman, D. B. Gannon, M. Shields. London: Springer, 2007.

ten Have 1990 — *ten Have P*. Methodological issues in conversation analysis // Bulletin de Méthodologie Sociologique. Vol. 27. No. 1. 1990. P. 23–51.

Thompson 2000 — *Thompson P*. The voice of the past: Oral history. Oxford: Oxford Univ. Press, 2000.

Thomson 2003 — *Thomson A*. Introduction: Sharing authority: Oral history and the collaborative process // The Oral History Review. Vol. 30. No. 1. 2003. P. 23–26.

Thomson 2007 — *Thomson A*. Four paradigm transformations in oral history // The Oral History Review. Vol. 34. No. 1. 2007. P. 49–70.

Tilley 2003 — *Tilley S*. "Challenging" research practices: Turning a critical lens on the work of transcription // Qualitative Inquiry. Vol. 9. No. 5. 2003. P. 750–773.

Turnbull 2000 — *Turnbull A.* Collaboration and censorship in the oral history interview // International Journal of Social Research Methodology. Vol. 3. No. 1. 2000. P. 15–34.

Vahasantanen, Saarinen 2013 — *Vahasantanen K., Saarinen J*. The power dance in the research interview: Manifesting power and powerlessness // Qualitative Research. Vol. 13. No. 5. 2003. P. 493–510.

West 1996 — *West C*. Ethnography and orthography: A (modest) methodological proposal // Journal of Contemporary Ethnography. Vol. 25. No. 3. 1996. P. 327–352.

Yow 2005 — *Yow V*. Recording oral history: A guide for the humanities and social sciences. Walnut Creek, CA: AltaMira Press, 2005.

Zeitlin 2012 — *Zeitlin D*. Anthropology in and of the archives. Possible futures and contingent pasts. Archives as anthropological surrogates // Annual Review of Anthropology. Vol. 41. 2012. P. 461–480.

Co-authorization, not co-authorship: The adventures of transcript in the digital age

Orlova, Galina A.
PhD (Candidate of Science in Psychology)
Associate Professor, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University
Russia, 344002, Rostov-on-Don, B. Sadovaya str., 103
Tel.: +7 (863) 230-32-47
Associate Professor, Department of Media and Communication, European Humanities University
Lithuania, *LT-01114,* Vilnius, Tauro str., 8.
Tel.: +370 5 274 0622
Senior Researcher, Laboratory of Historical and Cultural Studies, School of Advanced Studies in the Humanities, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, pr-t Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: galina.orlova@ehu.lt

Abstract: The author puts to use the challenge of social knowledge`s digitalization in order to discover gaps and unreflected areas in qualitative research techniques and theories. The focus is on feedback of the interviewee to interview transcripts before this data is put into an open electronic archive. The article reconsiders the idea of an interview transcript as a stable text in the domain of the researcher`s unshared power. Techniques of transcript processing are problematized in relation to the era of digital collaboration. The concept of "co-authorization" is introduced to describe the rights and responsibilities regarding the text, which are shared and digitally distributed between researcher and informant during the preparation of an electronic publication. Co-authorization is considered as both an apparatus and an effect of digital transformation of research activity in social sciences.

Keywords: co-authorization, digital transformation of fieldwork, transcript, open access, member checking, Obninsk project

References

Averintsev, S. (1996). *Ritorika i istoki evropeiskoi literaturnoi traditsii* [Rhetoric and the genesis of the European literary tradition]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury. (in Russian).

Atkinson, P., Silverman, D. (1997). Kundera's immortality: The interview society and the invention of the self. *Qualitative Inquiry, 3*, 304–327.

Bloor, M. (1997). Techniques of validation in qualitative research: a critical commentary. In G. Miller, R. Dingwall (eds.). *Context and method in qualitative research*, 37–50. London: SAGE.

Borgman Ch. (2007) *Scholarship in the digital age: Information, infrastructure and the Internet*. Cambridge, MA: MIT Press.

Bok, S. (1983). The limits of confidentiality. *Hastings Center Report, 13*(1), 24–31.

Boschma, G., Yonge, O., Mychajlunow, L. (2003). Consent in oral history interviews: Unique challenges. *Qualitative Health Research, 13*(1), 129–135.

Bourdieu, P. (1997). Understanding. *Theory, Culture and Society, 13*(2), 17–37.

Briggs, C. L.(2005). Interviewing, power / knowledge and social inequality. In J. A. Holstein, J. F. Gubrium (eds.). *Inside interviewing: New lenses, new concerns,* 495–506. London: SAGE.

Buchbinder, E. (2011). Beyond checking: Experiences of the validation interview. *Qualitative Social Work, 10*(1), 106–122.

Bucholtz, M. (2000). The politics of transcriptions. *Journal of Pragmatics, 32*, 1439–1465.

Burman, E. (1997). Minding the gap: Positivism, psychology, and the politics of qualitative methods. *Journal of Social Issues, 54*, 785–801.

Cain, P. (1998). The limits of confidentiality. *Nursing Ethics, 5*(2), 158–165.

Carlson, J. (2010). Avoiding traps in member checking. *The Qualitative Report, 15*(5), 1102–1113.

Cho, J., Trent, A. (2006). Validity in qualitative research. *Qualitative Research, 6*(3), 319–340.

Clandinin, D., Connelly, F. (2000). *Narrative inquiry: Experience and story in qualitative research*. San Francisco: Jossey-Bass.

Corbin, J., Morse, J. (2003). The unstructured interactive interview: Issues of reciprocity and risks when dealing with sensitive topics. *Qualitative Inquiry, 9*(3), 335–354.

Creswell, J. W., Miller, D. L. (2000). Determining validity in qualitative inquiry. *Theory into Practice, 39*(3), 124–130.

Denzin, N. K. (1995). The experiential text and the limits of visual understanding. *Educational Theory, 45*, 7–18.

Dicks, B., Mason, B., Coffey, A., Atkinson, P. (2005). *Qualitative research and hypermedia: Ethnography for the digital age*. London: SAGE.

Dunaway, D. (1984). Transcription: Shadow or reality? *Oral History Review, 12*, 113–117.

Easton, K. L., McComish, J. F., Greenberg, R. (2000). Avoiding common pitfalls in qualitative data collection and transcription. *Qualitative Health Research, 10*, 703–707.

Edwards, J. A., Lampert, M. D. (eds.) (1993). *Talking data: Transcription and coding in discourse research*. Hillsdale (NJ): Lawrence Erlbaum.

Forbat, L., Henderson, J. (2005). Theoretical and practical reflections on sharing transcripts with participants. *Qualitative Health Research, 15*, 1114–1128.

Frisch, M. (1990). *A shared authority: Essays on the craft and meaning of oral and public history*. Albany, NY: SUNY Press.

Frisch, M. (2006) Oral history and the digital revolution. In R. Perks, A. Thomson (eds.). *The oral history reader*, 102–114. London: Routledge.

Giordano, J., O'Reilly, M., Taylor, H., Dogra, N. (2007). Confidentiality and autonomy: The challenge(s) of offering research participants a choice of disclosing their identity. *Qualitative Health Research, 17*(2), 264–275.

Grundy, A., Pollon, D., McGinn, M. (2003). The participant as transcriptionist: Methodological advantages of a collaborative and inclusive research practice. *International Journal of Qualitative Methods, 2*(2), 1–19.

Gubrium, E., Koro-Ljungberg, M. (2005). Contending with border making in the social constructionist interview. *Qualitative Inquiry, 11*(5), 689–715.

Halcomb, E., Davidson, P. (2006). Is verbatim transcription of interview data always necessary? *Applied Nursing Research, 19*, 38–42.

Karnieli-Miller, O., Strier, R., Pessach, L. (2009). Power relations in qualitative interview. *Qualitative Health Research, 19*(2), 279–289.

Kasatkina, A. K. (2015). Issledovatel'skoe interv'iu i otkrytyi elektronnyi arkhiv: transformatsiia metoda, novaia tekhnologiia predstavleniia, arkhiv kak mesto vstrechi [Research interview and open e-archive; the transformation of method, new representation technology and meeting place]. In M. G. Pugacheva (ed.). *Vektory razvitiia sovremennoi Rossii. Ot formirovaniia tsennostei k izobreteniiu traditsii. Materialy XIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh 11-12 aprelia 2014 goda* [The vectors of development of contemporary Russia. From formation of values to the invention of tradition], 238–249. Moscow: Delo. (In Russian).

Koelsch, L. (2013). Reconceptualizing the member-check interview. *International Journal of Qualitative Methods, 12*, 168–179.

Kvale, S. (1996) *Interviews: An introduction to qualitative research interviewing*. London: SAGE.

Kvale, S. (2006). Dominance through interviews and dialogue. *Qualitative Inquiry, 12*(3), 480–500.

Lane, V. (1996). Typists' influences on transcription: Aspects of feminist nursing epistemic rigour. *Nursing Inquiry, 3*, 159–166.

Langeiller, K. M. (2001). Personal narrative. In M. Jolly (ed.). *Encyclopedia of life writing: Autobiographical and biographical forms, Vol. 2*, 699–701, London: Fitzroy Dearborn.

Lapadat, J. (2000). Problematizing transcription: Purpose, paradigm and quality. *International Journal of Social Research Methodology, 3*(3), 203–219.

Lapadat, J., Lindsay, A. (1999). Transcription in research and practice: From standardization of technique to interpretive positionings. *Qualitative Inquiry, 5*, 64–86.

Leavy, P. (2011). *Oral history: Understanding qualitative research*. Oxford: Oxford Univ. Press.

Lincoln, Y., Guba, E. (1985). *Naturalistic inquiry.* Thousand Oaks, CA: SAGE.

Hagens, V., Dobrow, M. J., Chafe, R. (2009). Interviewee transcript review: Assessing the impact on qualitative research. *BMC Medical Research Methodology, 9*, 47–56.

MacLean, L., Meyer, M., Estable, A. (2004). Improving accuracy of transcripts. *Qualitative Health Research, 14*, 113–123.

MacWhinney, B., Snow, C. (1991). The wheat and the chaff of four confusions regarding CHILDES. *Journal of Child Language, 19*, 435–458.

Mauthner, N. S., Doucet, A. (2008). Knowledge once divided can be hard to put together again. *Sociology, 42*(5), 971–985.

Mays, N., Pope, G. (2000). Qualitative research in health care. Assessing quality in qualitative research. *British Medical Journal, 1*, 114–116.

McLellan, E., MacQueen, K., Neidig, J. (2003). Beyond the qualitative interview: Data preparation and transcription. *Field Methods, 15*(1), 63–84.

Mero-Jaffe, I. (2011). “Is that what I said?” Interview transcript approval by participants: An aspect of ethics in qualitative research. *International Journal of Qualitative Methods, 10*(3), 231–247.

Meyer, E., Schroeder, R. (2015). *Knowledge machines: Digital transformations of the sciences and humanities*. Cambridge, MA: MIT Press.

Mondada, L. (2007). Commentary: Transcript variation and the indexicality of transcribing practices. *Discourse Studies, 9*(6), 809–821.

Moore, N. (2007). (Re)Using qualitative data? *Sociological Research Online, 12*(3). Retrieved from http://www.socresonline.org.uk/12/3/1.html.

Murray-Rust, P. (2008). Open Data in science. *Serials Review, 34*(1), 52–64.

Norris, S. (2002). The implication of visual research for discourse analysis: Transcription beyond language. *Visual Communication, 1*(1), 97–121.

Ochs, E. (1979). Transcription as theory. In. E. Ochs, B. Schieffelin (eds.). *Developmental pragmatics*, 43–71. New York: Academic Press.

Onwuegbuzie, A., Leech, N. (2007). Validity and qualitative research: An oxymoron? *Quality and Quantity, 41*(2), 233–249.

Page, R., Samson, Y., Crockett, M. (2000). Reporting ethnography to informants. In. B. Brizuelf, J. Stewart, R. Carrillo, J. Berger (eds.). *Acts of inquiry in qualitative research*, 321–352. Cambridge, MA: Harvard Educational Review.

Perakyla, A. (1997). Reliability and validity in research based on tapes and transcripts. In D. Silverman (ed.). *Qualitative Research: Theory, Method and Practice*, 201–220. London: SAGE.

Poland, B. (1995). Transcription quality as an aspect of rigor in qualitative research. *Qualitative Inquiry, 1*(3), 290–310.

Pomerantz, A., Fehr, B. (1997). Conversation analysis: An approach to the study of social action as sense making practices. In T. A. Van Dijk (ed.). *Discourse as social interaction*, 65–91. London: SAGE.

Potter, J. (1997). Discourse analysis as a way of analyzing naturally occurring talk. *Qualitative research: Theory, Method and Practice,* 144–160. London: SAGE.

Progler, J. (1991). Choices in editing oral history: The distillation of Dr. Hiller. *Oral History Review, 19*(1-2), 1–16.

Psathas, G., Anderson, T. (1990). The “practices” of transcription in conversation analysis. *Semiotica, 78*(1/2), 75–99.

Rhodes, C. (2000). Ghostwriting research: Positioning researcher in the interview text. *Qualitative Inquiry, 6*(4), 511–525.

Rice-Lively, M. (1994). Wired warp and woof: An ethnographic study of a networking class. *Internet Research, 4*(4), 20–35.

Riessman, C. (1993). *Qualitative studies in social work research*. Thousand Oaks, CA: SAGE.

Ritchie, D. (2015). *Doing oral history.* New York: Oxford Univ. Press.

Ryen, A. (2004). Ethical issues. In C. Seale, G. Gobo, J. F. Gubrium, D. Silverman (eds.). *Qualitative research practice*, 230–247. London: SAGE.

Sandelowski, M. (1994). Focus on qualitative methods: Notes on transcription. *Research in Nursing and Health, 17*(4), 311–314.

Scheurich, J. (1995). A postmodern critique of research interviewing. *Qualitative Studies in Education, 8*(3), 239–252.

Schrum, L. (1995). Framing the debate: Ethical research in the information age. *Qualitative Inquiry, 1*(3), 311–326.

Schwandt, T. (2007). *The SAGE dictionary of qualitative inquiry*. London: SAGE.

Slavnic, Z. (2013). Towards qualitative data preservation and re-use — Policy trends and academic controversies in UK and Sweden. *Forum: Qualitative Social Research, 14*(2). Retrieved from http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/1872.

Taylor, I. J., Deelman, E., Gannon, D. B., Shields, M. (eds.). (2007). *Workflows for e-Science: Scientific workflows for grids.* London: Springer.

ten Have, P. (1990). Methodological issues in conversation analysis. *Bulletin de Méthodologie Sociologique, 27*(1), 23–51.

Thompson, P. (2000). *The voice of the past: Oral history*. Oxford: Oxford Univ. Press.

Thomson, A. (2003). Introduction: Sharing authority: Oral history and the collaborative process. *The Oral History Review, 30*(1), 23–26.

Thomson, A. (2007). Four paradigm transformations in oral history. *The Oral History Review, 34*(1), 49–70.

Tilley, S. (2003). "Challenging" research practices: Turning a critical lens on the work of transcription. *Qualitative Inquiry, 9*(5), 750–773.

Turnbull, A. (2000). Collaboration and censorship in the oral history interview. *International Journal of Social Research Methodology, 3*(1), 15–34.

Vahasantanen, K., Saarinen, J. (2013). The power dance in the research interview: Manifesting power and powerlessness. *Qualitative Research, 13*(5), 493–510.

West, C. (1996). Ethnography and orthography: A (modest) methodological proposal. *Journal of Contemporary Ethnography, 25*(3), 327–352.

Yow, V. (2005). *Recording oral history: A guide for the humanities and social sciences*. Walnut Creek, CA: AltaMira Press.

Zeitlin, D. (2012) Anthropology in and of the archives. Possible futures and contingent pasts. Archives as anthropological surrogates. *Annual Review of Anthropology, 41*, 461–480.

Zhizhek, S. (1999). *Vozvyshennyi ob"ekt ideologii* (Transl. from: Žižek, S. (1989). The sublime object of ideology. London: Vergo). Moscow: Khudozhestvennyi zhurnal. (In Russian).

Orlova, G. A. (2016). Co-authorization, not co-authorship: The adventures of transcript in the digital age. *Shagi / Steps, 2*(1), 200–223